

Правнучка Кандинского

Маше Кравченко наконец-то повезло. После десяти лет хронического безденежья, двух разводов, полного равнодушия публики к ее творчеству удача вдруг улыбнулась Маше. И произошло это после того, как она сделала сенсационное заявление.

Дело было в маленьком городке в Израиле, куда Машу пригласила в гости подруга и однокурсница по художественному училищу. В маленьком кафе, где собиралась местная богема, в основном, выходцы из Союза, когда речь зашла о том, скольких выдающихся художников дала миру Одесса, слегка "принявшая" Маша небрежно бросила:

— ...и моего великого прадеда.

— А кто твой прадед? — поинтересовался черноглазый парень в узбекской феске.

— Кандинский, — спокойно произнесла Маша и устремила задумчивый взгляд на бокал с вином.

— То есть как? — заинтересовался черноглазый. — Насколько мне известно...

— Ничего тебе не известно, — отрезала Маша.

Но Рубикон был перейден, и после непрекращающихся расспросов черноглазого она поведала, что более ста лет назад у ее прабабушки был бурный роман с молодым Кандинским. Прабабушка уже была замужем. Бросить мужа и укатить за границу с основоположником абстракционизма она не решилась. А когда художник уехал, оказалась в "интересном" положении. Муж об этом ничего не знал, а когда родилась девочка, воспитал ее, то есть Машину бабушку, как родную дочь. И осталось бы все это в тайне, если бы прабабушка, будучи на смертном одре, не назвала своему единственному чаду имя ее настоящего отца. Кандинский в то время был еще жив, но о какой связи между дочерью и жившим за границей отцом могла идти речь в тридцатые годы!..

Все это было самой настоящей "пургой", неизвестно каким образом запорошившей Машин разум. На самом деле она вообще ничего не знала о своей прабабушке. Помнила только бабушку, которая работала на фабрике "Одесфото" ретушером.

Машин отец умер, когда ей исполнилось пять лет. Мама была зубным техником и одна тянула старшего сына и дочь. Она не имела никакого от-

ношения к искусству, хотя протезы, которые она изготавливала, часто называли настоящей художественной работой.

Интерес к рисованию Маша проявила в семь лет, тогда же поступила в художественную школу. После девятого класса мама хотела отдать дочь в медицинское училище, где та смогла бы овладеть достойной профессией зубного техника, — благо и замдиректора и зав. отделением были мамиными добрыми знакомыми. Но Маша заупрямилась — и поступила в художественное, вслед за мальчиком, с которым встречалась с седьмого класса. Он же стал ее первым мужем. Уже на втором месяце брака стало ясно, что они не созданы друг для друга. Разошлись мирно — и остались друзьями.

Через год после этого Маша вышла замуж за художника, который работал на киностудии. Он был старше ее на десять лет. С ним у нее получился отличный мальчишка Санек, но жить со вторым мужем оказалось еще сложнее, чем с первым. Они развелись, а Санек стал "бабушкиной радостью", потому что у Маши на него ни времени, ни терпения не хватало. Надо было творить и зарабатывать на жизнь. Для некоторых это одно и то же, но у Маши так не получалось. Как говорится, мухи отдельно, а котлеты — отдельно...

Маша преподавала в художественной студии в Центре эстетического воспитания детей и писала пейзажи и натюрморты, которые изредка продавались. Иногда она сочиняла беспредметные композиции, в которые вкладывала свое настроение и свое представление обо всем сущем. Такие работы не вызывали интереса у продавцов картин, они считали это блажью художницы и открыто ей об этом говорили. Маша не обижалась. Иногда она дарила свои композиции друзьям и знакомым. Однажды коллега по Центру, балетмейстер, получив ко дню рождения Машин холст (у нее тогда просто не было денег на приобретение подарка), сказал:

— Очень похоже на Кандинского...

Маша тогда не придала этой фразе никакого значения.

И вот сейчас в Израиле, сама не зная почему, она связала себя с великим именем. Забыть бы поскорее об этом!

Но джинн уже был выпущен из бутылки. Через день в маленькой русскоязычной газетке появилась информация о том, что, мол, гостит в Израиле правнучка великого художника. Спасибо еще, что без семейных подробностей... Подпись "Джафаров" сразу наводила на мысль, кто автор публикации.

А после этого в доме подруги появился интеллигентного вида мужчи-

на, галерист из Эйлата, который предложил Маше показать ему свои работы. Она продемонстрировала ему три опуса, написанные здесь, в Израиле.

Возможно, для западноевропейского или американского художника сумма в девятьсот долларов за три работы выглядела бы мизерной, но Маша осталась ей очень довольной и до своего отъезда из Израиля написала еще две картины под названием "Состояние 1" и "Состояние 2". Из уважения к галеристу она отдала обе за пятьсот.

Но вот настало время попрощаться с подругой и ее друзьями. Отвальную устроили все в том же кафе. Все желали Маше творческих успехов и счастья в личной жизни. А Джафаров, хитро подмигивая, изрек:

— Еще Гете сказал, что скромность — кратчайший путь к безвестности.

В Одессе Машу ожидали привычные хлопоты и проблемы. На заработанные деньги она купила сыну велосипед, новые кроссовки и джинсы, матери — шерстяной свитер, и кое-что себе. Глядя на остаток денег, Маша с грустью подумала, что пополнения не предвидится. Но она ошиблась.

Через несколько дней после приезда позвонил ее первый муж. Он занимался в какой-то фирме компьютерным дизайном и сутками пропадал в сети.

— Ну, Машуня, чего не знал — того не знал, — начал он с места в карьер.

— Чего ты не знал?

— Что ты — правнучка Кандинского.

— А ты откуда взял?

— Из Интернета. Там так о тебе написано!.. И твои работы выставлены. По-моему, очень неплохие... Запиши электронные адреса...

Маша записала. Действительно, ее израильские работы были выставлены на двух сайтах. А еще они были одобрены на форуме, где побывало уже человек сто.

Потом было еще несколько телефонных звонков от одесских знакомых, которые поздравляли Машу с успехом. Но совершенной неожиданностью стал звонок из Киева. Незнакомая дама поинтересовалась, когда она может приехать, чтобы посмотреть Машины работы на предмет дальнейшего продвижения их на украинском и зарубежном арт-рынке. В голосе дамы звучали уважительные нотки — очевидно, именно так следовало разговаривать с правнучкой великого Кандинского. Маша тут же сбрехала, что завтра уезжает на отдых в Бали, и попросила перезвонить через три недели.

"Так, старуха, — дала она себе установку, — перечитать все о Кандинском и работать, работать, работать!"

Отсутствие привычки работать день и ночь преодолевалось трудно, но деваться было некуда: или пан, или пропал.

По ее просьбе первый муж привел в порядок мастерскую на чердаке, выбросил хлам, поклеил обои, поставил металлопластиковые окна. Помещение приобрело вполне презентабельный вид. Маша все это время работала не покладая рук. Восемь композиций!

— А у тебя неплохо получается! Что-то в этом есть, — похвалил первый муж, рассматривая выставленные в ряд нагромождения геометрических тел, яркие цветные фигуры и причудливые орнаменты. — Рамки нужны.

Знакомый рамник в долг оформил работы. Теперь они имели по-настоящему товарный вид. В правом нижнем углу красовалась авторская подпись в виде размашистой буквы "К", а на обороте — загадочные названия: "Разорванное время", "Композиция", "Финальный аккорд" и тому подобное.

Дама из Киева позвонила ровно через двадцать один день и тут же явилась.

— Какой прелестный загар! — сделала она комплимент Маше, которая за все это время ни разу не была на пляже, и тут же приступила к делу. Как оказалось, Софья Александровна — так звали даму — занимается созданием в Украине настоящего арт-рынка (при этом она многозначительно подняла указательный палец правой руки вверх) и хотела бы "продвигать" работы Маши. Потенциальные покупатели у нее есть. На полотна она взглянула мельком. А когда Маша попыталась как-то их прокомментировать, сказала влажным голосом:

— Дорогая, здесь важно другое... Имя...

— Но я...

— Конечно, вы — не он. А гены!.. Я могу забрать все? — Софья Александровна указала на работы.

— Нет, две крайние уже проданы, — не моргнув глазом, соврала Маша.

— Значит, шесть... Я дам вам аванс. Две тысячи. При расчете после продажи двадцать пять процентов мои. Поверьте, я вас не обману. Я хочу, чтобы наше сотрудничество было долгим. Вот моя визитка... Согласны?

— Ладно, как для первого раза... — с неопределенностью в голосе произнесла Маша, сжимая купюры на сумму, которую раньше никогда в руках не держала.

И покатилося! Софья Александровна предлагала ее работы "новым украинцам", банкирам, хозяевам фирм, представителям иностранных компаний. При этом она всегда словно невзначай произносила имя "вели-

кого прадеда" Маши. На некоторых это производило серьезное впечатление. Так или иначе, работы раскупались.

Маша работала без устали. Появился стимул. И не только материальный. Она поняла, что ее творчество кому-то нужно, и от этого испытывала радость.

Постепенно перестала мучить бедность. Нет, Маша не почувствовала себя богачкой, но когда вывозили из квартиры разваливавшуюся на части стенку "Жемчужина", холодильник "Днепр", купленный еще до ее рождения, колченогие кухонные табуретки, она была счастлива. Словно закончился какой-то долгий, затянувшийся период ее жизни — и начинался новый.

Санек теперь жил с ней. По вечерам они часто рассматривали альбомы с репродукциями картин великих художников. Мальчику нравилось размышлять об увиденном, его оценки поражали мать серьезностью, иногда — нестандартностью. Она открывала для себя сына, в воспитании которого до сих пор принимала опосредствованное участие.

Однажды Сане попался альбом Кандинского. Он долго рассматривал гляцевые страницы, потом отложил и сказал:

— По-моему, это похоже на твои работы, мама. Но твои — интереснее...

От этого детского высказывания Маше стало так светло на душе, как не было никогда в жизни.

Маша по-прежнему много работала. Свою художественную студию в Центре эстетического воспитания не оставляла, потому что понимала, что "все может враз закончиться", и этот — пусть даже более чем скромный заработок — ей будет нужен.

За последний год Маша несколько раз выезжала в Киев, где Софья Александровна познакомила ее с некоторыми своими постоянными клиентами. Маша вела себя с ними независимо, и это, по-видимому, производило на них хорошее впечатление.

Ее фото попало в какой-то престижный справочник наряду с портретами успешных бизнес-леди. Несколько раз ее приглашали на светские приемы, где собиралась так называемая столичная элита. Один из владельцев международной сети супермаркетов пытался приударить за ней. Он был толстым, противным и ходил в сопровождении двух здоровенных телохранителей. Однажды Маша представила себе: захоти она провести ночь с ним, эти двое будут до рассвета сопеть за дверью. И она вдруг рассмеелась так весело, как давно уже не смеялась. Толстый и противный был решительно отшит, что еще больше подняло ее акции в кругу Софьи Александровны.

Неожиданно Маша получила письмо из Германии от вице-президента Фонда имени Василия Кандинского, который просил разрешения посетить ее мастерскую. Сначала Маша оцепенела. А что если и вице-президента, в первую очередь, заинтересуют ее "родственные узы" с великим художником? Рассказывать байку о согрешившей прабабушке — стыдно, отвратительно, унижительно... И за что она оклеветала хорошую женщину, которая, судя по рассказам матери, была далека от искусства, слыла добродетельной домохозяйкой и жила не то на Слободке, не то на Пересыпи, куда в конце XIX века молодые амбициозные художники наверняка не забредали!..

Вице-президент оказался симпатичным мужчиной лет тридцати пяти, из выходцев из России. Говорил по-русски правильно, правда, с легким акцентом. Внимательно осмотрев Машины работы, он сказал:

— Я могу организовать вашу выставку у нас. Думаю, она вызовет интерес. Фонд оплатит все расходы по организации и по вашему пребыванию. Весна будущего года вас устроит?

Маша согласилась. Потом они вместе пили кофе, говорили на разные темы. Она все время ожидала рокового вопроса, но гость не задавал его. Лишь в конце беседы он сказал:

— Я впервые увидел ваши работы у моего знакомого — киевского банкира. Обратил внимание, что они отдаленно напоминают молодого Кандинского. Вероятно, сказывается одесская школа... — и больше о Кандинском ни слова.

Они поболтали еще минут десять, и гость стал прощаться:

— До свидания, госпожа Кравченко. До встречи в Германии!

Маша крепко пожала его руку.

